

Мы живем в разных фильмах.

Эту фразу я даже не помню, где услышал. Но это правда. И это все: приговор, безнадежность, факт. Если мы живем в разных фильмах, этого уже не переделать.

Я, например, живу в «Безымянной звезде». Был такой старый советский фильм, его снял еще молодой, сорокалетний, кажется, Михаил Козаков. Там играли такие же молодые Костолевский и Вертинская. Господи, подумал я сейчас, эти же фамилии молодым ничего не скажут. Но мне он нравился. Несмотря на все его недостатки, советские швы («наши играют иностранную жизнь»), несмотря на всю его сентиментальность. Ну не великий, да. Но что-то в нем было.

Например, там был хороший эпизод, физиологически достоверный, честный.

Вертинская играет яркую, взбалмошную барышню, которую ссаживают на провинциальной станции («в степи», как она говорит) с поезда, потому что у нее нет билета, только фишки из казино. И молодой учитель астрономии встречает ее на этой ночной станции, так как пришел забирать прибывшую из Бухареста редкую книгу по астрономии, потому что ему надо проверить, прав ли он, не почудилось ли ему, что он действительно открыл новую звезду, — и эта женщина поражает его.

«Когда я встретил вас тогда, на станции, вы были такая белая, ослепительная». Он дает ей при-

ют на одну ночь. Рассказывает ей про свое открытие. «Вот же, вот же она, эта звезда, ну как же вы не видите?!» Влюбляется в нее.

Но эта ночь, как ей и полагается, проходит. Он бежит утром покупать ей какие-то шмотки (она же ехала в вечернем платье, с боа, с фишками), но перед этим он, уже одетый, садится на кровать и будит ее поцелуем.

И вот тут этот физиологический честный, идеально достоверный момент и наступает. Он, умытый уже, целует ее, только проснувшуюся, а она не дает ему своих губ.

Она как-то по кошачьи скользит по его губам щекой, отворачивает рот, не разрешает поцеловать с языком.

Неудивительно.

Она же только проснулась. Она не чистила зубы.

Нет, такая ослепительная женщина (потом ее именем он еще назовет открытую им звезду) никогда не даст мужчине свой слишком человеческий утренний рот. Она же не какая-то неумытая школьница, она femme fatale: она сама и есть эта самая белая звезда.

Поэтому она выскользнет под каким-нибудь благовидным предлогом в ванную комнату (там вместо душа лейка) и хоть пальцем, но эти зубы почистит.

В общем, это первое движение Вертинской уклониться — было идеальным.

Потом режиссер все-таки заставит ее утренний поцелуй Костолевскому, учителю астрономии, дать. И это, конечно, было неправильно. Потому что Вертинская по-женски эту невозможность несвежего утреннего поцелуя знала, чувствовала, а мужчина-режиссер – нет.

Ну а теперь не про поцелуй. А про саму коллизию этого фильма.

Костолевский, как мы догадались с самого начала, конечно же, потом потеряет навсегда свою ослепительную женщину.

Мы даже поссорились с одним моим товарищем, обсуждая этот фильм. (Делать как будто было нечего: лучше бы мы Тарантино обсудили.)

– Отвратительно и трусливо, – скажет он мне, посмотрев фильм. – Что он сделал, этот учитель младших и старших классов, чтоб задержать Вертинскую в своей захудалой жизни?

– Он отказался от нее, – ответил я. – Когда ее настоящий мужчина приехал в тот город на невиданном по красоте автомобиле, нашел ее («ты волновался из-за меня?», спросила она, «да», ответил он, «но недолго – я вспомнил, что у тебя, кроме игральных фишек, не было в этот вечер никаких денег, и стал планомерно объезжать все пригородные вокзалы: и я нашел тебя, я ведь всегда тебя нахожу»), учитель понял, что они с этой женщиной живут в разных фильмах. И нет у него ни такой силы, ни такого автомобиля, ни такой уверенности. А главное – нет у него этого знания, что эта белая, в шляпке и кудельках Вертинская – его. А у Козакова (это он приехал за ней на автомобиле) есть.

И дело тут не в лейке.

«Я ведь всегда тебя нахожу», это все, что мы хотим с той стороны любовной вселенной услышать. Даже не услышать, а просто почувствовать животом.

А не это все: «Там, рядом с Алголом» (ну вообще, не Алголом, а Алголем, но в фильме она почему-то называется без мягкого знака) «есть звезда, которая с этой ночи будет носить твое имя».

Кстати, о животе и залетевших птичках.

На мой балкон четвертый день прилетает синичка. (Зачем ты здесь? Я не кормлю птиц. Здесь ты ничего не найдешь.) Но она все равно прилетает.

Нервно прыгает с пола балкона на решетку, на сперва усохший, а теперь промокший букет (пусть полежит до весны, сгниет окончательно эта икебана). Это явление сюда и прыгание по букету – ее большая ошибка. Где-то там, на соседних, ее кормят, но она забыла: поэтому промахивается и залетает ко мне.

«Дура, тебя не тут любят, тебя ждут на другом. Другой человек рассыпает для тебя пшено или сало зимой вешает; может быть, это даже какая-нибудь бабушка», – говорят я.

Но синичка прилетает за манной небесной именно ко мне. Вечная наша ошибка: мы пришли не туда. Вышли не на той станции, или нас просто высадили, и вот мы стоим, здесь, в степи, и знаем: мы оказались не в том месте, не в тот час. Мир как иллюзия. Жизнь как не просыпавшееся сверху пшено. Сгнившая икебана.

Но есть человек, который будет методично облетать все балконы в поиске тебя. Где ты там наглоталась пшена, политого водкой? Где ты там нагадила на балкон? Где ударилась об стекло? Где упала?

Точнее, конечно, не человек. Синиц. Мужской род. (Синичка – женский, мужской – синиц. Ну не «синица-самец» же?) Запомни: этот странный синиц – именно твой.

Наплюй на провинциального учителя, оставь ему допотопную лейку, бери шляпку, садись в автомобиль. Только человек, который методично ищет тебя на всех балконах, стоит того, чтобы быть с ним. Только он.

Другого фильма не будет.

